

Венцом же всей работы Барклая де Толли стало «Учреждение для управления Большой действующей армией», состоявшее из 4-х частей. Фактически этот документ явился новым руководящим армейским уставом. В первой его части обозначались функции главнокомандующего, командиров корпусов и дивизий, вторая определяла состав и функции различных органов управления армией, третья была посвящена интендантскому управлению, четвертая – инженерному и артиллерийскому управлению, канцелярии главнокомандующего. Присутствовали в «Учреждении» и уставы для полевых судопроизводства и почтамта, и положение для временных полевых госпиталей [2, с. 126]. Наконец, при Барклае де Толли было реорганизовано само военное министерство, которое теперь состояло из семи департаментов (артиллерийского, инспекторского, провиантского и медицинского, военно-топографического бюро, типографии и т.д.) [6, с. 177].

Исходя из всего вышеозначенного, можно сделать следующий вывод: Аракчеев, централизовав все отрасли военного ведомства, восстановив дисциплину в армии и усовершенствовал артиллерийское дело, тем самым подготовил базу для последующих улучшений. В свою очередь его инициативу развил Барклай де Толли, который реорганизовал военное министерство, разработал учреждение для армии, увеличил и преобразовал вооруженные силы России, увеличив их численность и улучшив принципы организации и подготовки. В конечном счете, их реформаторская деятельность стала фундаментом, на основе которого была выкована победа в Отечественной войне.

1. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973. – 616 с.
2. Балязин, В.Н. Фельдмаршал Барклай / В.Н. Балязин. – М.: Просвещение, 1992. – 320 с.
3. Герои 1812 года / сост. В. Левченко. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 608 с.
4. Дженкинс, М. Аракчеев. Реформатор-реакционер / М. Дженкинс. – М.: Центрполиграф, 2004 – 272 с.
5. Керсновский, А.А. История русской армии: в 4 томах / А.А. Керсновский. – М.: Голос, 1999. – Т. 1. – 304 с.
6. Столетие военного министерства: 1802–1902: ист. очерк развития военного управления в России / сост. Н. А. Данилов. – СПб., 1902. – Т. 1.
7. Томсинов, В.А. Аракчеев / В.А. Томсинов. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 427 с.
8. Тофталушин, В.П. М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года / В.П. Тофталушин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 136 с.

С.В. Заневский

ЗАПАДНЫЕ РУБЕЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (ПО ДАННЫМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ В ГРОДНО)

С разделом Речи Посполитой на белорусских и украинских землях чётко обозначились признаки раскола среди местного населения. Те, кто не принёс присягу на верность новому правительству, были вынуждены уехать за рубеж, образовав там внушительную по размерам политическую эмиграцию. Они не оставляли надежды на возрождение былой Речи Посполитой и продолжали поддерживать контакты со своей старой родиной, ища поддержку среди местного населения. Понятно, что царское правительство препятствовало подобным контактам и уделяло западной границе государства особое внимание.

Чтобы не допустить влияние в крае идей патриотически настроенной польской эмиграции с помощью паспортной системы для местных жителей был затруднён выезд за границу. О достаточно большом значении мер, которые принимало царское правительство по искоренению и недопущению в крае загра-

нических идей говорит большое количество документов подобного рода, отложившихся в частности в Национальном историческом архиве Беларуси в городе Гродно [3–4, 6–9]. Через этот город, находящийся у самой границы Российской империи ежегодно проходило огромное количество населения. «Молодые люди, получившие образование за границей с обходом паспортных правил, утрачивали право на занятие правительственных должностей в крае, их родителям угрожало привлечение к ответственности» [1, с. 631]. Иногда даже польский дворянин, пойманный при незаконном пересечении границы, мог быть лишён принадлежности к своему сословию [4, л. 12; 7]. Несмотря на подобный риск, побег польских патриотов за границу был широко распространённым явлением. На это жаловался, например, гродненский вице-губернатор Пётр фон Берг: «многое число здешних жителей из дворян... довольно часто переезжают» [5, л. 3]. Справедливости ради, следует отметить, что не всегда меры наказания были настолько жёсткими. В жизни западной границы Российской империи можно выделить следующие периоды:

1. 1801 – 1805 гг. – относительно тихий период, который характеризуется «горячими приступами к реформам».

2. 1805 – 1807 гг. – период первых войн с Наполеоном, во время которых правительство энергично приступает к укреплению своих границ.

3. 1808 – 1812 гг. – этап подготовки обеих сторон к войне, при этом большая роль отводилась сбору информации о противнике.

На первом этапе царскими властями не было предпринято каких-либо жёстких мероприятий по контролю над своей западной границей. Каждый желающий мог без особых трудностей покинуть территорию империи. А политика на присоединённых землях не приобрела ещё таких реакционных форм, какие наблюдались тут позднее. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что согласно «Ведомостям о лицах, проезжающих за границу и в Россию» за 1802–1805 гг. количество последних превосходило показатель выехавших приблизительно на 10 %. Число относительно небольшое, однако стабильность данного показателя из месяца в месяц говорит об авторитете России в глазах чужеземцев [3, л. 55].

В период 1805 – 1807 гг. происходит обострение отношений между Россией и Францией. Император Александр I, озабоченный ходом событий на театре военных действий, активных действий на новоприсоединённых землях не предпринимал. В тоже время наблюдается определённая «остановка жизни» на западной границе. В архиве нет ни одного дела с данными о количестве граждан, выехавших за границу.

Между тем, русская армия в это время потерпела ряд поражений: при Аустерлице, Эйлау, Фридланде и др. После этого на плоту посреди Немана состоялась встреча двух самых влиятельных людей в Европе. Её следствием стал Тильзитский мирный договор 27 июня 1807 г. [5, л. 2, 42]. Наполеон уступал отобранную у Пруссии Белостокскую область, а из остальных бывших прусских областей создал Герцогство Варшавское. Таким образом, Россия отодвинула свою границу дальше на запад, но обрела в качестве соседа военный аванпост Наполеона.

Александр I оказался в тяжёлом положении: ему пришлось отказаться от восстановления Польши. Это вызвало окончательное разочарование польских патриотов и обращение их взоров в сторону Наполеона. Подполковник И. Дибич писал: «Простой народ уважает Наполеона как будущего избавителя и представляет себе, что им изгнаны будут дворяне, а крестьяне получают свободу, по понятию сих людей, состоящих в незаконной вольности» [2, с. 19].

Предвоенный период отмечен существенным обострением русско-польских отношений. Обе стороны развернули интенсивную подготовку к войне.

На российской границе был введён более жестокий режим и бдительный надзор за иностранцами. Каждый из них рассматривался потенциальным разведчиком, и не безосновательно. Бдительный надзор помог раскрыть деятельность не одного десятка шпионов – в основном выходцев из бывшей Речи Посполитой.

Высочайший указ Правительственного Сената от 23 августа 1807 г. повелевал: «никто из иностранных, какого бы состояния он ни был, не может быть пропущен в Россию, не получа паспорта от нашего Министерства иностранных дел. Пропуск из России через границу дозволять без затруднения, но не иначе как с паспортами за подписанием МИД... И притом с неперменным наблюдением, чтобы всегда известно было куда поселяне сии следовать будут, и чтоб далее назначенного в свидетельствах места следовать они не могли» [6, л. 18]. При этом выдача паспортов за границу Губернским правлениям запрещалась. На земских начальников возлагалась задача бдительного надзора за этими лицами и выдворения их по истечении означенного паспортом срока. Царское правительство столкнулось при этом с достаточно сложной ситуацией, не предполагая того, какой масштаб приобретут дела на границе. Количество приезжающих и уезжающих по сравнению с началом века значительно выросло. МИД попросту не справлялся с неиссякаемым потоком заявлений на обретение паспортов и пропусков. Учитывая это 8 ноября 1807 г. было принято дополнение, позволяющее выдавать «торгующим иностранцам и купцам, желающим приехать в какую-нибудь из пограничных губерний по своим торговым надобностям» пограничным начальникам губерний [6, л. 19]. Однако во внутренние губернии Империи по-прежнему выдавали паспорта лишь представители МИДа.

Принятые мероприятия ситуацию, однако, не исправили. Гродненский вице-губернатор обращает внимание на то, что большое количество указов, правил и дополнений к ним посеяло большую путаницу и неразбериху среди чиновников. Всё это значительно затруднило их работу и заставило действовать сообразно требованиям момента. Вследствие этого многие иностранцы оказались вне поля зрения соответствующих органов и потерялись в просторах России.

Согласно указу от 30 мая 1808 г. устанавливался не более чем трёхмесячный термин нахождения иностранцев в России [6, л. 22]. Одновременно предпринимались меры по нейтрализации вражеской разведывательной сети. 24 марта 1807 года на стол тайного советника Василия Сергеевича Ландского легла докладная записка за № 1401. Некий Иван Элиль из местечка Замбров, находящийся на секретной государственной службе, сообщал: «На сих днях из французской армии отправилось 5 человек поляков, находящихся во французской службе, с паспортами об увольнении в отпуск. Все они предприняли путь к Брест-Литовскому с намерением въехать в границы наши. Корреспондент мой напишет кто именно сии поляки. Но при сём том я обязательно поставлю сообщить об этом вам, милостивый государь, с тем, дабы ваше превосходительство не оставили принять строгих мер к нужной предосторожности» [4, л. 10]. Посылая простое, на первый взгляд, предупреждение о нескольких подозрительных лицах, светский чиновник и не подозревал, что попал на след вражеских лазутчиков. В.С. Ландской, видимо, был уже осведомлён о том, что в ближайшее время через границу попытаются пройти несколько французских шпионов, поскольку предписал таможенному инспектору Богаевскому: «принять строгие меры к нужной предосторожности». Тем не менее, долгое время на след лазутчиков выйти не удавалось. Всякий раз они ловко уходили от преследования. Было ясно, что им удалось проникнуть в пределы Российской империи, поскольку вражеских шпионов видели то под Гродно, то в Дубно и на Волыни [4, л. 12 об, 48 об, 50]. Лишь спустя две недели поисков 5

апреля 1807 г. специальная комиссия под началом генерал Бенигсона задержала в Киеве одного из французских солдат, который имел при себе секретные данные, полученные от таможенного ведомства. Пленный показал, что получил их от унтер-офицера Брестской таможенной заставы Осипа Подчащинского, который «будучи подкуплен французами, изменяет Отечеству» [4, л. 12]. 21 февраля 1807 г. Литовский таможенный инспектор Богаевский сообщал В.С. Ландскому о том, что, исполняя высочайшую волю монарха, он передал специально прибывшему для этого в Гродно генералу от МВД барону Будберху арестованного - бывшего титулярного советника Осипа Подчащинского вместе с найденными при нём бумагами секретного содержания для препровождения в Санкт-Петербург [4, л. 61].

К сожалению, среди архивных дел данных о том, были ли пойманы оставшиеся четыре из пяти французских шпионов, не сохранилось. Последнее упоминание о них содержится в рапорте всё того же литовского таможенного инспектора коллежского советника Богаевского. С пометкой «Секретно» он рассылает «во все таможни и заставы по литовской границе» описание вражеских лазутчиков «для поступления с ними во всё согласно высшему предписанию» [4, л. 2].

Следует отметить, что это далеко не единственный случай появления в пределах Российской империи вражеских шпионов. Ещё в январе 1807 г. появились сведения о трёх высокопоставленных литовских чиновниках, оказавшихся французскими агентами. Согласно секретному рапорту К. Подольского, они нередко «уклонялись во внутрь провинции для разглашения вражеской агитационной прокламации...» [4, л. 21]. Высочайшие действия последовали незамедлительно, через неделю французские эмиссары были обнаружены и арестованы вместе с возмутительным манифестом в Житомире.

Царское самодержавие придавало большое значение состоянию умов среди местного населения. Неоднократно предпринимались меры по выявлению степени благонадёжности жителей литовских провинций, и «открытию неприязненных к России людей» Напуганное частыми случаями появления в пределах Империи вражеских шпионов, министерство полиции выдаёт специальный циркуляр. «Обращая бдительный присмотр к открытию зломыслящих Отечеству нашему, не ограничиваться соблюдением только обыкновенной формы. Постарайтесь действовать любыми другими способами, всеми мерами, какие только внушит собственное ваше благоразумие. Предусмотрительно и осторожно постарайтесь преследовать шпионов, открывая их и беря под стражу» [7, л.1].

Представители части политических кругов белорусских земель не покидали надежду на восстановление Речи Посполитой, о чём заявлял сам Наполеон I. Преследуя этим заявлением совсем иные цели, французский император приобрёл, однако, немалое количество своих сторонников в пределах Российской империи, в том числе и высокопоставленных имперских чиновников польского происхождения. Многие из них готовы были верой и правдой заслужить высочайшее доверие Наполеона, поставляя сведения о расположении русских войск, фураже, переправах и укреплениях, топографическую съёмку местности и прочие важные данные [4, л. 17-18]. «Касательно расположения умов жителей сего края, - писал генерал Отто Инерин, - честь имею донести. Вообще ознакомившись со здешними расположениями нельзя не видеть всемирно уповаемой наклонности к переменам, целью которых есть одна мечтательная вольность, делая неизгладимой ещё из памяти народной прежнее польское правление... Познания мои, образы мыслей здешних, без сомнения уверяют меня, что более сильное имеют влияние на жителей сего края прокламации неприятеля из-за границы рассылаемые, нежели благоденствие, насаждаемое под скипетром России» [4, л. 42–42 об.].

Таким образом, уже в первом десятилетии XIX в. на западной границе Российской империи разворачивалась активная подготовка к будущей войне.

1. Грабенский, В. История польского народа / В. Грабенский. – Минск: МФПЦ, 2006. – 800 с.
2. Лукашэвіч, А. Вывучэнне Беларусі як верагоднага тэатра ваенных дзеянняў (1810–1812 г.) / А. Лукашэвіч // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2006. – № 1.
3. Национальный исторический архив Беларуси в городе Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 13. – 100 л. Ведомости о лицах, проезжавших за границу и в Россию (1802–1805 гг.)
4. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 107. – 67 л. Дело о розыске шпионов, перешедших в Россию из-за границ (1807–1809 гг.)
5. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 111. Рапорты об объявлении жителям губерний о заключении мира между Россией и Францией (1807 г.)
6. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 159. – 60 л. Выписка из указов Сената о порядке пропуска через границу иностранцев и подданных России, и переписка с пограничными заставами по этому вопросу (1807–1809 гг.)
7. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 1. – Ед. хр. 209. – 1 л. Циркуляр Министерства полиции об усилении бдительности за появлением шпионов (1813 г.)
8. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 2. – Ед. хр. 259. Дело о запрещении жителям России выписывать газеты из-за границы
9. НИАБ в г. Гродно. – Фонд 1. – Описание 2. – Ед. хр. 1. – Л. 115–121. Указы Сената. Комиссия для свода запрещённых и разрешённых книг.